

OPUS
MAGNUM

Шарль Морис
де Талейран-Перигор
(1754–1838)

ШАРЛЬ МОРИС
ДЕ ТАЛЕЙРАН-ПЕРИГОР

СЕРЫЙ КАРДИНАЛ
ЕВРОПЫ
МЕМУАРЫ

Москва

Общая и научная редакция — академик *Е. В. Тарле*
Перевод с французского, примечания — *С. и Л. Фейгины*
Биографическая книга «Талейран» — академик *Е. В. Тарле*
Тематические и биографические примечания — *А. Светов*

Талейран, Шарль Морис.

Т16 Серый кардинал Европы. Мемуары / Шарль Морис Талейран ; [перевод с французского С. и Л. Фейгиных ; научный редактор Е. В. Тарле]. Талейран / Е. В. Тарле. — Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.— (Подарочные издания. Опус магнум).

ISBN 978-5-04-246991-6

Это издание представляет мемуары человека, у которого 200 лет учиться переговорам весь мир — от дипломатов до бизнесменов. Министр иностранных дел Франции Шарль Морис де Талейран-Перигор, князь Беневентский (1754–1838), — знаковая фигура в истории международной дипломатии. Он сменил шесть враждующих режимов — от Людовика XVI до Наполеона и Бурбонов — и при каждом оставался на вершине власти. Наполеон остерегался его, ненавидел — но не мог без него обойтись. На протяжении без малого полувека он творил историю. Императоры, короли, парламенты, военачальники не могли добиться того, чего добивался Талейран: подчас всего лишь вовремя сказанным словом, нужным акцентом, тонким расчетом. Победенная Франция на Венском конгрессе его усилиями встала в один ряд с победителями — случай, не имеющий аналогов за всю историю дипломатии.

Мемуары Талейрана — больше чем воспоминания. Это учебник власти и влияния, написанный человеком, который много десятилетий успешно применял его на практике — и ни разу не проиграл. Макиавелли объяснил, как устроена власть. Талейран показал, как ее удерживать.

Мир большой политики, кухня истории и блестящая биографическая книга знаменитого отечественного историка академика Е. В. Тарле на фоне сотен уникальных исторических иллюстраций — такова предлагаемая читателю подарочная книга.

УДК 94(44)”17/18”
ББК 63.3(4Фра)5

ISBN 978-5-04-246991-6

© Перевод, примечания, комментарии, макет, иллюстрации, оформление. *Fortune Triumph Ltd.*, 2026
© Биография, научные комментарии. Наследник Е. В. Тарле, 2021
© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ОТ РЕДАКТОРА¹

Мемуары деятелей, игравших очень уж первостепенную роль, редко бывают сколько-нибудь правдивы. Это весьма понятно: автор, знающий свою историческую ответственность, стремится построить свой рассказ так, чтобы мотивировка его собственных поступков была по возможности возвышенной, а там, где их никак нельзя истолковать в пользу автора, можно постараться и вовсе отречься от соучастия в них. Словом, о многих мемуаристах этого типа можно повторить то, что Анри Рошфор в свое время сказал по поводу воспоминаний Эмилия Оливье: «Оливье лжет так, как если бы он до сих пор все еще был первым министром». Лучшим из новейших образчиков такого рода литературы могут послужить девять томов воспоминаний Пуанкаре (готовится десятый том, — и предвидится еще десятка полтора, судя по принятому масштабу и по известному трудолюбию автора). Все девять томов Пуанкаре — сплошное (по существу) повторение патриотической казенщины, печатавшейся в эпоху нескольких его министерств и его президентуры.

Мемуары Талейрана имеют некоторое преимущество, во-первых, в том, что они, хотя, правда, после первоначальных явственных колебаний, предназначались лишь для потомства и ни в коем случае не должны были появиться при жизни автора (они впервые вышли в 1891 году, то есть спустя пятьдесят три года после смерти Талейрана). Во-вторых, как я отмечаю ниже в краткой его характеристике, он понимал, что, действуя на мировой арене, оказав несколько раз громадное влияние на ход дел в самые решающие исторические

¹ Это предисловие было написано выдающимся советским историком академиком Евгением Викторовичем Тарле к первому русскому переводу «Мемуаров» Талейрана, осуществленному издательством «Academia» в 1934 г. Тарле выполнил фундаментальную общую и научную редакцию этого перевода, а также подготовил объемный исторический очерк. Это была первая печатная работа ученого-историка после неожиданного освобождения из ссылки в октябре 1932 г., куда он был отправлен после полутора лет тюремного заключения по сфальсифицированным политическим делам «Промпартии» и «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (так называемое «Дело Академии наук»). Вскоре после его освобождения Л. Б. Каменев, недавно сам возвратившийся из ссылки, обратился к именитому, но все еще опальному историку с предложением выступить в качестве научного редактора мемуаров Талейрана. Позже, в 1939 г., биографический очерк, сопровождавший первую отечественную публикацию, вырос в самостоятельную книгу, которую мы представляем в данном издании после перевода «Мемуаров» Талейрана. На этом работа Тарле по изучению и оценке наследия французского дипломата не закончилась. В конце 40-х годов академик подготовил переработанную и значительно дополненную редакцию своей книги о Талейране. Любопытного читателя мы отправляем к восьмому тому Юбилейного собрания сочинений Е. В. Тарле (М.: Эксмо, 2025), где представлен окончательный, наиболее полный, обширно комментированный труд о деятельности Талейрана.

моменты, проявляя всегда абсолютную беззастенчивость и не пытаясь даже оправдываться почти ни в чем впоследствии, — он и не может рассчитывать, что ему будут очень верить в его мемуарах. Поэтому он избрал такой метод. Он прежде всего загромоздил свои мемуары перепечаткою официальных документов или служебных и полуслужебных донесений, которые он составлял за время своей активной политической жизни. Затем он просто обошел молчанием все те случаи, где лгать было бы совсем бесцельно вследствие слишком уж большой известности и твердой установленности бесспорных фактов. Конечно, по этой причине мемуары должны были неминуемо очень много потерять в своем внешнем интересе. В самом деле: вспомним, кого только не видел, с кем только не имел дела этот человек! «Он говорил о себе самом, что он — великий поэт и что он создал трилогию из трех династий: первый акт — империя Бонапарта, второй акт — дом Бурбонов, третий акт — Орлеанский дом. Он сделал все это в своем дворце и, как паук в своей паутине, он последовательно привлекал в этот дворец и забирал героев, мыслителей, великих людей, завоевателей, королей, принцев, императоров, Бонапарта, Сиеса, госпожу Сталь, Шатобриана, Бенжамена Констана, Александра российского, Вильгельма прусского, Франца австрийского, Людовика XVIII, Луи-Филиппа и всех золотых и блестящих мух, которые жужжат в истории последних сорока лет», — так писал о нем Виктор Гюго чрез несколько дней после его смерти. Талейран сравнительно мало говорит о них, — значительно меньше, чем мог бы сказать.

И при всех этих недостатках его мемуары — необходимая часть того «железного фонда» исторической литературы, который желательно иметь всякому образованному человеку. Именно потому, что Талейран об очень многом умалчал, мы можем с несколько большим доверием отнестись к тому, о чем он говорит. Ведь он умалчивал о таких событиях, о которых заведомо для него знали все на свете, — и потому своим умалчиванием он не стремился их «скрыть», а просто давал понять, что не хочет о них распространяться. Говорил же он лишь о том, о чем, по его мнению, еще можно спорить, что еще можно пытаться осветить в благоприятном для него свете и что, быть может, и в глубине души он считал несколько не зазорным для своей чести.

Талейран в своем завещании сделал полною распорядительницею всех своих бумаг свою племянницу, герцогиню Дино, причем обусловил, чтобы его мемуары были опубликованы не раньше чем спустя тридцать лет после его смерти. После смерти герцогини Дино бумаги перешли по ее завещанию к Бакуру, который и принялся готовить их к печати. Умирая, он завещал эти бумаги двум светским дилетантам, к которым присоединился впоследствии и академик герцог Брольи, известный лидер французских легитимистов и министр в начале третьей республики. Брольи и приготовил окончательно к печати эти мемуары, первый том которых появился в Париже в феврале, второй и третий — в июне, а четвертый — в октябре 1891 года.

Теперь уже может считаться вполне установленным, что все свои воспоминания, относящиеся к эпохе от первых лет своей жизни вплоть до своей отставки в сентябре 1815 года, Талейран написал в эпоху Реставрации, и едва ли не больше всего именно в первые годы Реставрации. Затем в мемуарах следует глубокий провал, ровно ничего не говорится о годах отставки, а затем — непосредственный переход к Июльской революции 1830 года и к последней фазе активной

деятельности Талейрана — к его пребыванию в качестве посла Луи-Филиппа в Лондоне в 1830–1834 гг. Эта часть написана, очевидно, в 1835–1837 гг., так как в 1838 году он часто болел и уже не мог работать.

Что касается первой части, то на ней очень явственно отразилась эпоха, когда Талейран писал ее. Он принимает тон человека, всегда в душе скорбевшего об ошибках и злоключениях «законной» династии Бурбонов, — тон умеренно либерального аристократа, который лишь скрепя сердце, чтобы по мере сил спасать отечество, стал служить и Учредительному собранию, и Законодательному собранию, и Директории, и Наполеону, личные же его душевные предпочтения были (хочет он внушить читателю) всегда на стороне Бурбонов. С этой нотой вполне гармонируют и две другие, также очень слышные в первой части мемуаров: Талейран с удовольствием останавливается на старорежимных бытовых подробностях, которые помнит с детства, предается горделивым размышлениям о том, что невозможно не аристократу играть ту же роль, быть так поставленным в глазах населения, как поставлены люди старинных дворянских родов; с другой стороны, он настойчиво обращает внимание читателя на то, как он до Революции отстаивал права и преимущества церкви, споря против светской власти, желавшей наложить на церковь более тяжелые поборы. Ясно, что он, думая о публике 1815–1816 и следующих годов, имел в виду прикинуться совсем их человеком, со всеми дворянскими, и даже, отчасти, клерикальными симпатиями, свойственными тогдашней торжествовавшей реакции. Мы можем по некоторым признакам судить, что он не сразу отказался от мысли печатать свои мемуары еще при жизни. Ясно, что он некоторое время думал о том именно читателе, который задавал тон при Реставрации, и именно в первые ее годы.

Это у него отразилось не только на заведомо лживой оценке собственной своей роли и мотивов своих действий при Революции и Империи, но и на умышленном почти полном умолчании о самых важных событиях (вроде секвестра по его предложению всех земельных имуществ церкви в 1789 году и т. д.). Посвящая особую главу свиданию императоров Наполеона и Александра в Эрфурте, он только беглым и глухим намеком говорит о своих изменнических деяниях в тот момент. Помяная мельком о казни герцога Энгиенского, он внушает читателю мысль о полнейшей своей моральной непричастности к этому событию. Говоря о 1814–1815 гг., он представляет дело так, что кроме как о спасении отечества он ни о чем не думал. И чтобы окончательно замаскировать пред читателем свою инициативную роль в расстреле герцога Энгиенского, он не забывает (правда, ни к селу ни к городу) прибавить, что именно принц Конде (то есть отец расстрелянного герцога Энгиенского) поздравлял его с результатами Венского конгресса. Он забывает прибавить, что это поздравление было им получено значительно позже, и именно после того, как он бесстыдно обманул принца Конде и этой беззастенчивой ложью оправдался в его глазах.

Впрочем, читатель, ознакомившись с моей характеристикой Талейрана, без труда разберется в причинах, почему автор мемуаров о многом предпочитает и вовсе ничего не говорить, а о многом говорит не то и не так, как было.

И тем не менее, без этих мемуаров не может обойтись ни один историк Франции эпохи конца старого режима, Революции, Империи, Реставрации, Июльской революции, монархии Луи-Филиппа, также ни один историк ев-

ропейской дипломатии в этот период. Они полны важных деталей, глубоких и тонких замечаний и оценок как лиц, так и событий. В этих томах выгодно сказывается отмеченная мною характерная черта Талейрана: отсутствие мстительности, происходящее от способности и склонности не столько ненавидеть, сколько презирать людей. Его мемуары не носят характера боевого памфлета, написанного для посрамления врагов и наказания обидчиков, — как аналогичные книги Тирпица, или Клемансо, или леди Асквит, или графа Витте, или Бурьенна, или Бисмарка. Напротив, к тем, кто умер или уже не может ему помешать, он относится со спокойствием и равнодушием, которые вообще были ему свойственны. Наконец, в его мемуарах есть неуловимая, но очень важная черта, которая свойственна только тем, кому пришлось самим быть главными актерами исторической драмы: Талейран как-то интимно, можно было бы сказать — фамильярно, рассказывает о великих исторических событиях, реальное сцепление фактов само собою выявляется под его пером. Этому даже отчасти способствует та небрежность, та скупость на самостоятельный труд, которые тоже были всегда очень заметны в этом человеке. «Не слишком усердствуйте (*pas trop de zèle*)», — учил он молодых дипломатов. «Тот, кто придал бы его величеству императору Наполеону немножко лени (*un peu de paresse*), — был бы благодетелем человечества», — говорил со вздохом Талейран в эпоху самого расцвета «великой империи», своеобразно и как бы в слегка пародийном плане предвосхищая толстовскую идею «неделания». Талейран полагал, что иногда не спешить, уметь выжидать, не очень вмешиваться, вообще поменьше работать — единственно полезная тактика. Он и в мемуарах своих скуп на работу. Он явно почти не обрабатывал этих набросков и стремился быть как можно лаконичнее — и поскорее перейти к «бумагам за номером», за которыми, очевидно, по его мнению, и от потомства укрыться как-то надежнее.

Часть — и очень значительная часть — этих четырех томов занята дипломатическими документами, давным-давно с тех пор напечатанными и утратившими в девяносто девяти сотых своего содержания всякий интерес в настоящее время. Их мы, конечно, не включили в эту книгу. В той же части, которая писана самим Талейраном, есть страницы, совсем неизвестно зачем сюда попавшие, скучнейшие детали давно забытых и никакого интереса решительно ни для кого не имеющих дел и отношений. Мы ограничились включением в предлагаемое издание лишь того, что сохраняет хоть в какой-нибудь степени исторический интерес. Читателю нашей эпохи, наблюдающему оборону европейской буржуазии от надвигающегося крушения, книги, подобные мемуарам Талейрана, могут помочь перенестись мыслью в то уже далекое время, когда буржуазия не оборонялась, а сама нападала, не терпела поражение за поражением, а шла от победы к победе, когда перед нею стоял не ее могильщик — пролетариат, а тот дворянский класс, для которого она сама стала могильщиком. Самым ярким из всех перебежчиков дворянского класса в лагерь буржуазии и был тот человек, с историческим свидетельством которого издательство «Academia» сочло полезным познакомить советского читателя.

МЕМУАРЫ

Перевод с французского
С. и Л. Фейгиных
под общей научной редакцией
академика *Е. В. Тарле*

*Я не знаю, какое заглавие
дать этому труду. Это не литературное произведение: оно
полно повторений. Я не могу назвать его «Мои воспоминания»,
так как я старался, чтобы моя жизнь и отношения с людьми
отразились в нем как можно меньше. Если бы я озаглавил эти
тома «Мой взгляд на дела моего времени», то такое название
было бы в каком-то отношении правильно, но в то же время оно
было бы и слишком определено для работы человека, который
в своей жизни так много сомневался. Философское название было бы
не исчерпывающим или слишком многообещающим. Поэтому
я начинаю без заглавия и также без посвящения; я признаю лишь
за герцогиней Дино обязанность меня защищать.*

ПЕРВАЯ ГЛАВА

(1754–1791 годы)

Я родился в 1754 году; мои отец и мать не имели большого состояния, но они занимали такое положение при дворе, которое при его использовании могло открыть им и их детям все пути.

Издавна французские знатные семьи если и не положительно пренебрегали тем родом службы, который привязывает к особе государя, то во всяком случае мало добивались его. Они довольствовались тем, что находились — или считали, что находятся, — в первых рядах нации. Поэтому потомки древних знатных вассалов короны имели меньше возможности стать известными ей, чем потомки некоторых баронов древнего герцогства Франции, естественно занявших более высокое положение при государе.

Гордость, побуждавшая большинство семейств высокого происхождения держаться в стороне, делала их тем самым менее приятными королю.

Для усиления королевской власти кардинал Ришелье призвал к особе государя лиц, стоявших во главе знатных родов.

Они обосновались при дворе, отреклись от своей независимости и пытались восполнить свое позднее появление более глубокой преданностью.

Слава Людовика XIV содействовала тому, что все помыслы замкнулись в пределах Версальского дворца.

Регентство¹ представляло собой род междоусобицы, спокойствие которого не было нарушено расстройством финансов и порчей нравов, строго сдерживаемых в конце предшествующего царствования.

Уважение к Людовику XV было тогда во всей своей силе; первые лица в государстве вкладывали еще всю свою гордость в послушание; они не представляли себе иной власти, иного блеска, чем исходивших от короля.

Королеву почитали, но в ее добродетелях было что-то печальное, что мешало увлекаться ею. Ей не хватало той внешней прелести, благодаря которой красота Людовика XV составляла гордость нации. Отсюда проистекала та снисходительная справедливость, с которой отдавали должное королеве, жалея ее и вместе с тем прощая королю его склонность к г-же Помпадур. Г-н Пентьевр, супруга маршала Дюра, г-жа Марсан, г-жа Люйнь, г-жа Перигор, герцогиня Флери, г-н Сурш, г-жа Виллар, г-н Таванн, г-жа д'Эстиссак, конечно, охали, но опасались еще в то время разглашать своим осуждением семейный секрет, известный каждому, которого никто не смел отрицать, но влияние которого надеялись ослабить замалчиванием и таким поведением, как будто он никому не известен.

¹ Регентство — период в истории Франции с 1715 по 1723 г., правление регента Филиппа Орлеанского при малолетнем короле Людовике XV.

Луи Мишель ван Лоо.

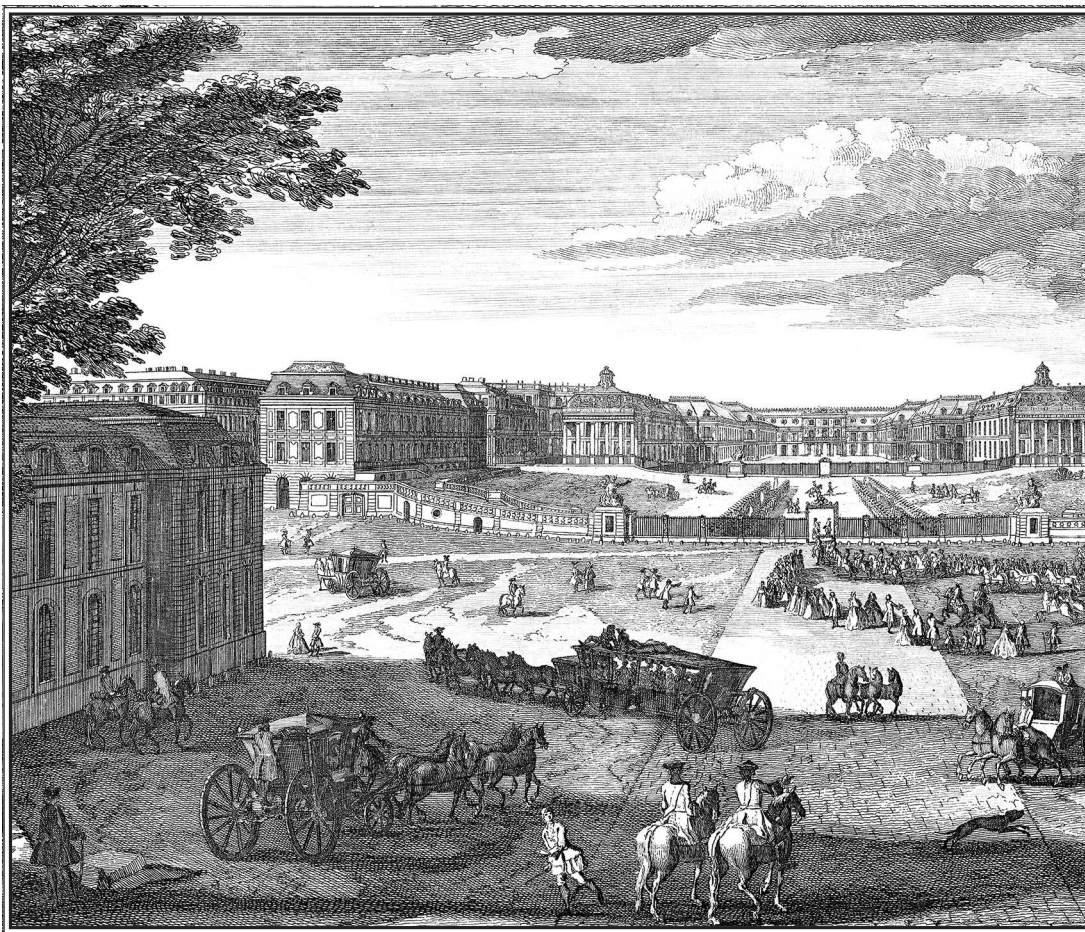
Портрет короля Франции Людовика XV.

1765 г. Фрагмент

Все названные мною лица считали, что если бы они слишком явно замечали слабости короля, то это свидетельствовало бы о недостатке у них чувства чести.

Моя родня была связана разными узами с королевской семьей. Моя бабушка была статс-дамой королевы; король оказывал ей особое уважение; она всегда жила в Версале и не имела дома в Париже.

У нее было пять детей. Их первоначальное воспитание, как и всех лиц, непосредственно связанных со двором, было довольно небрежно — во всяком

случае, уделялось мало внимания внушению им важных понятий. Последующее воспитание должно было состоять лишь в ознакомлении с обычаями света. Внешние преимущества достаточно привлекали в их пользу.

Моя бабушка имела благородное, учтивое и сдержанное обхождение. Ее благочестие вызывало к ней уважение, а многочисленная семья облегчала ей частые обращения с просьбой о продвижении ее детей.

Мой отец держался таких же правил, как его мать, в воспитании детей в семье, обосновавшейся при дворе, поэтому мое воспитание было в некоторой степени предоставлено случаю; это происходило не от равнодушия, но от того направления ума, которое заставляет думать, что прежде всего надо поступать и быть как все.

Слишком большие заботы показались бы педантизмом; слишком большая нежность казалась бы чем-то новым и потому забавным. В ту эпоху дети были наследниками имени и герба.

Тогда считали, что достаточно способствовать их продвижению, получению должностей и разных имущественных прав, заняться устройством их браков и увеличением их состояния. Родительские заботы еще не вошли тогда в нравы; во времена моего детства был совсем иной обычай. Поэтому я был

Вид на Версаль.

Гравюра. 1774 г.

на несколько лет оставлен в одном парижском предместье и в четыре года был все еще там. В этом возрасте я упал с комода у женщины, на попечении которой меня оставили. Я повредил себе ногу, но несколько месяцев она никому об этом не говорила; это заметили, лишь когда приехали забрать меня для отправки в Париж к госпоже Шале, моей бабушке, которая захотела взять меня к себе. Хотя госпожа Шале была моя прабабка, но я всегда называл ее бабушкой, вероятно потому, что это обращение сближало меня с ней. Повреждение моей ноги было уже слишком застарелым, и потому меня нельзя было излечить; даже и другая нога, которая в начале моей болезни должна была выдерживать всю тяжесть тела, ослабела, и я остался хромым.

Случай этот оказал влияние на всю мою жизнь. Благодаря ему мои родители, считая, что я не могу стать военным, без ущерба для своей карьеры, решили подготовить меня к другой

деятельности. Это казалось им более благоприятным для преуспевания рода. Дело в том, что в знатных семьях любили гораздо больше род, чем отдельных лиц, особенно молодых, которые еще были неизвестны.

Мне неприятно останавливаться на этой мысли... я оставляю ее...

Меня посадили под опекой превосходной женщины, по имени мадемуазель Шарлемань, в направлявшийся в Бордо почтовый дилижанс, которому потребовалось семнадцать дней для доставки меня в Шале.

Госпожа Шале была очень благородной особой; ее ум, язык, изысканность манер, звук голоса придавали ей большое обаяние. Она сохранила то, что еще называлось духом Мортемаров — это было имя ее семьи.

Я ей понравился; у нее я узнал ту ласку, которой еще не испытал. Она была первым человеком в моей семье, который проявил ко мне чувство,

**Ортопедический ботинок
Шарля Мориса Талейрана.**

Экспонат музея в замке Валансе

и она же была первой, давшей мне счастье любить. Да воздается ей за это! Да, я ее любил! Память ее мне очень дорога. Сколько раз в своей жизни я сожалел о ней! Сколько раз я с горечью чувствовал цену искренней любви, находимой в собственной семье! Если такая любовь вблизи вас, то это большое утешение в горестях жизни. Если она вдалеке, то это отдохновение уму и сердцу и прибежище для мысли.

Время, проведенное мною в Шале, оставило на мне глубокий след. Первые предметы, воздействующие на взор и сердце ребенка, часто предопределяют его склонности и придают характеру то направление, которому мы следуем в течение всей нашей жизни.

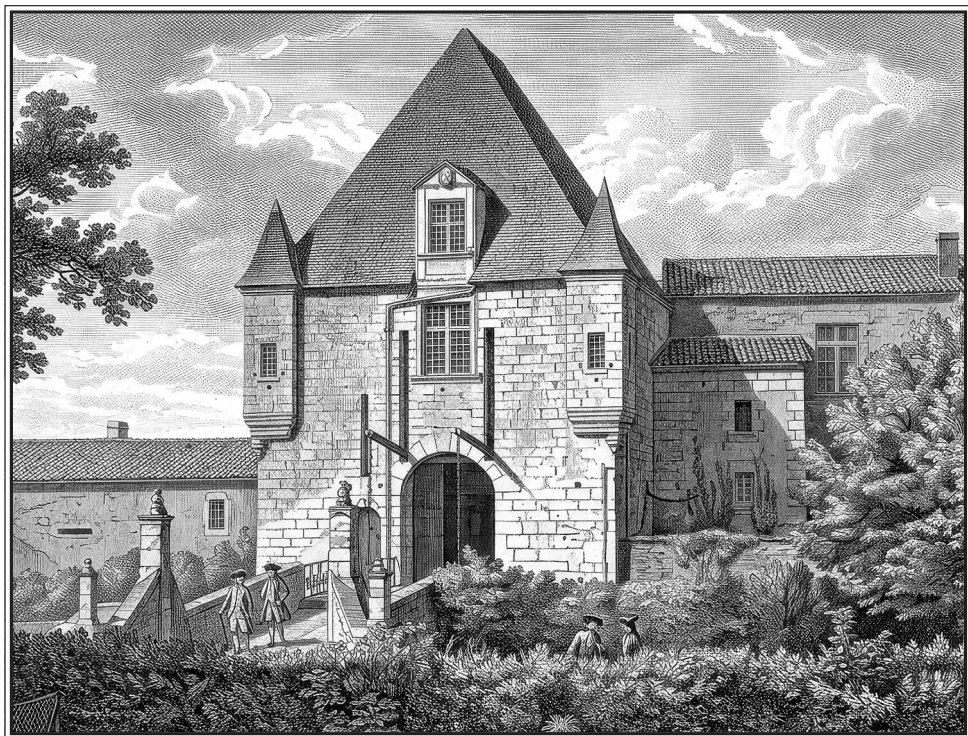
В отдаленных от столицы провинциях особая забота о достоинстве регулировала отношения знатных лиц древних родов, еще обитавших в своих замках, с менее знатным дворянством и с другим населением их земель. Первое лицо в провинции считало бы для себя унижительным не быть вежливым и любезным. Его благородные соседи считали бы недостатком уважения к самим себе отсутствие почтения к древним именам и уважения к ним, которое, выражаясь со свободной благопристойностью, казалось лишь данью сердца.

Крестьяне встречались со своим господином лишь для получения от него помощи и нескольких ободряющих и утешительных слов; влияние этого чувствовалось во всей округе, так как дворяне стремились подражать знатным особам своей провинции. Нравы знати в Перигоре походили на обычаи подобных старых замков; в них было что-то значительное и прочное; света проникало мало, но он был мягок. Люди приближались к более просвещенным и цивилизованным нравам с полезной медлительностью. Тирании, свойственной мелким властителям, больше не существовало; она была уничтожена рыцарским духом и сопровождавшим его на юге чувством учтивости, но особенно усилением королевской власти, выросшей вследствие освобождения народа.

Некоторые старцы, придворная карьера которых закончилась, любили удаляться в провинцию, видевшую величие их семейств. Вернувшись в свои поместья, они пользовались там авторитетом, основанным на привязанности к ним населения; традиции провинции и воспоминания об их предках украшали и увеличивали этот авторитет. Из такого поклонения им проистекало их особое влияние на тех, кто был к ним близок. Даже сама революция не смогла уничтожить обаяние старинных резиденций. Они остались, как покинутые древние храмы, оставленные верующими, но все еще почитаемые по традиции.

Шале представлял собой один из таких замков той незабвенной и дорогой эпохи.

Несколько дворян древнего происхождения создавали моей бабушке своего рода двор, который не имел ничего общего с вассальной зависимостью XIII века, но где почтительные нравы сочетались с самыми возвышенными чувствами. Господа де Бенак, де Вертейль, д'Абзак, де Гурвиль, де Шоврон, де Шамильяр сопровождали ее каждое воскресенье к приходской обедне, причем все они исполняли при ней разные функции, облагораживаемые изысканной вежливостью. Близ ее скамеечки для коленопреклонения стоял предназначенный для меня маленький стул.

Вид замка Шале в Перигоре.

Гравюра. XVIII в.

По возвращении от обеда все собирались в замке в большой комнате, которая называлась аптекой. Там были расставлены на полках содержавшиеся в порядке большие банки с разными мазями, рецепты которых всегда имелись в замке. Эти мази ежегодно тщательно изготавлялись хирургом и деревенским священником. Там имелось также несколько бутылок с эликсирами и сиропами и коробки с другими лекарствами. В шкафах находился значительный запас корпии и большое число свертков очень тонких бинтов разного размера из старого полотна. В комнате, которая предшествовала аптеке, собирались все больные, обращавшиеся за помощью. Мы проходили, приветствуя их. Мадемуазель Сонье, самая старая из горничных моей бабушки, вводила их по очереди; бабушка сидела в бархатном кресле, перед ней стоял черный столик старого лака. Она носила шелковое платье, отделанное кружевами; на корсаже у нее был ряд бантиков и на рукавах банты, соответствующие сезону. Широкие рукавчики состояли из трех рядов кружева; меховая пелеринка, наколка с расходящимися концами, черный чепец, завязывавшийся под подбородком, составляли ее воскресный туалет, более изысканный, чем в остальные дни недели.

Бенак, находившийся через свою прабабку в некотором родстве с нами, нес ее сумку из красного бархата, обшитую золотым позументом, с молитвенниками, которые она брала к обеду.

Я становился по праву у ее кресла. Две сестры милосердия расспрашивали каждого больного о его немощи или ране. Они называли средство, которое могло бы излечить или облегчить страдание. Бабушка указывала место, где

стояло лекарство; один из дворян, сопровождавших ее к обедне, шел за ним, другой приносил ящик с полотняными бинтами; я брал кусок, а бабушка сама отрезала требовавшиеся бинты и компрессы. Больной уносил с собою траву для отвара, вино, лекарство и всегда какое-нибудь утешение, причем более всего его трогали добрые, приветливые слова дамы, готовой прийти на помощь его страданиям.

Более полно и научно составленные аптечки, даже при бесплатном пользовании ими по совету известных докторов, далеко не сумели бы собрать такого количества бедных людей и принести им столько добра. Им не хватало бы важных способов излечения народа: расположения, уважения, веры и признательности.

Человек состоит из души и тела, но первая управляет вторым. Раненые, увечьям которых дано утешение, больные, которым подана надежда, они все находятся на пути к выздоровлению: их кровообращение улучшается, жизненные соки очищаются, нервы оживляются, сон восстанавливается и тело укрепляется. Ничто не оказывает такого действия, как доверие, а оно проявляется во всей своей полноте, когда служит ответом на заботы знатной дамы, на которой сосредоточиваются все представления о могуществе и защите.

Я, вероятно, слишком долго останавливаюсь на этих подробностях, но я отнюдь не пишу книгу, я лишь собираю свои впечатления; воспоминания о том, что я видел, что слышал в тот первый период своей жизни, имеют для меня величайшую сладость. «Ваше имя, — повторяли мне каждый день, — всегда почиталось в нашей стране». «Наша семья, — говорили мне с чувством, — была всегда привязана к кому-нибудь из вашего рода... Эту землю мы получили от вашего дедушки... это он построил нашу церковь... Мать моя получила свой крест от госпожи... Добрые деревья не вырождаются! Вы также будете добры, не правда ли?...»

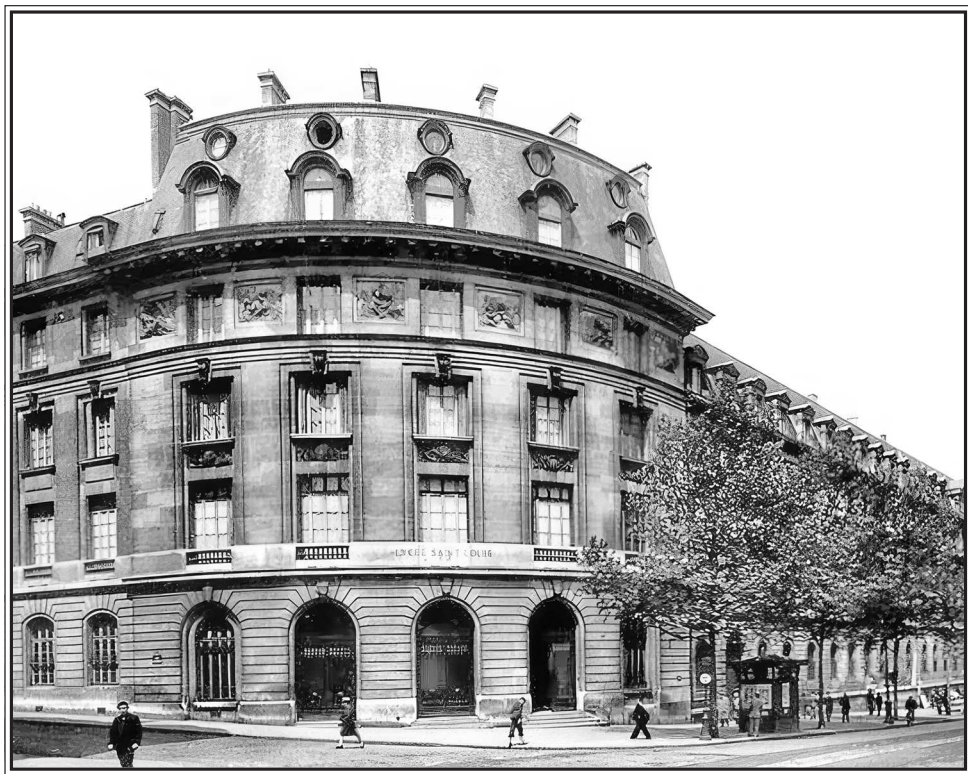
Вероятно, этим первым годам я обязан общим характером своего поведения. Если я проявлял чувства сердечные и даже нежные, без излишней фамильярности, если в разных обстоятельствах я сохранял некоторую возвышенность души без всякой надменности, если я люблю, если я уважаю пожилых людей, то именно в Шале близ своей бабушки я почерпнул все те добрые чувства, кото-

рыми мои родственники были окружены в этой провинции и которые они с радостью принимали. Ведь существует наследование чувств, возрастающих от поколения к поколению. Недавно созданные богатства, новые имена еще долго не сумеют дать своим обладателям этой отрады. (Статья Конституционной хартии¹, гласящая, что древ-

Матьё де Монморанси-Лаваль (1760–1826) — французский государственный и политический деятель, ультрароялист; министр иностранных дел Франции с декабря 1821 по декабрь 1822 г.

нее и новое дворянство сохраняется, имеет не больше смысла, чем предложение Матьё Монморанси Учредительному собранию об уничтожении дворянства. При нашей системе управления вся политически влиятельная аристократия

¹ Речь идет о Хартии 1814 г., фактически конституции Франции, дарованной королем Людовиком XVIII после реставрации Бурбонов.

Лицей святого Людовика на бульваре Сен-Мишель в Париже.

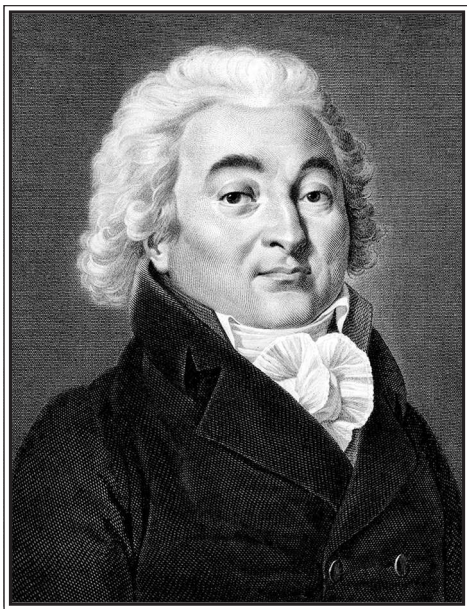
Фотография. Первая четверть XX в.

входит в Палату пэров; она находится там в силу личных прав; вне ее имеются лишь воспоминания, не связанные ни с какими правами, к которым нельзя ничего прибавить и от которых нельзя ничего отнять.)

Лучшие из них слишком увлекаются протежированием. Пусть супруга маршала Лефевра скажет какой-нибудь бедной и вернувшейся из эмиграции дворянской семье из Эльзаса: «Что сделаем мы с нашим старшим сыном?.. В какой полк поместим его брата?.. Имеется ли в виду бенефиции для аббата?.. Когда выдадим мы замуж Генриетту?.. Я знаю капитул, в который следовало бы поместить младшую...» Если бы она и захотела быть доброй, она будет лишь смешной. Внутреннее чувство заставит оттолкнуть ее доброжелательство, а гордость бедных получит удовлетворение от этих отказов. Но я слишком забываю, что мне лишь восемь лет, я еще не могу наблюдать современные нравы, убеждающие в том, что это наследие чувств должно с каждым днем уменьшаться.

В Шале я научился всему, что знали там люди хорошего воспитания; это сводилось к умению читать, писать и немного говорить на перигорском диалекте. Я достиг этого, когда мне пришлось уже снова отправляться в Париж. Я покидал свою бабушку со слезами, на которые она отвечала мне по своей любви слезами же. Почтовый дилижанс, ходивший на Бордо, отвез меня в те же семнадцать дней, которые потребовались для моей доставки.

На семнадцатый день в одиннадцать часов утра я прибыл в Париж. Старый камердинер моих родителей ожидал меня на улице Ада в почтовой конторе.

**Мари Габриель Флоран Огюст
де Шуазель-Гуфье**
(1752–1817)

Мари Габриель Флоран Огюст де Шуазель-Гуфье буквально с детства увлекся изучением античности и древнегреческого искусства, и это увлечение осталось с ним на всю жизнь. В 1776 г. он отправился в Грецию, где проводил археологические раскопки и собрал коллекцию древностей. Результатом этой поездки стала работа «Живописное путешествие по Греции», получившая восторженные отзывы в научных кругах. В 1782 г. Шуазель-Гуфье был избран членом Королевской академии надписей и изящной словесности, а через два года — членом Французской академии.

В 1784 г. Людовик XVI назначил Шуазель-Гуфье послом в Константинополе. Французскую революцию граф встретил очень враждебно. Возвращение на родину было невозможно, и в итоге в 1792 г. он оказался в Петербурге. Поначалу Шуазель-Гуфье был обласкан Екатериной II, однако затем отношение императрицы к французскому эмигранту охладело. Но при Павле I граф был объявлен «жертвой прошлого правления», приближен ко двору, возглавил Императорскую академию художеств... и снова впал в немилость. В 1802 г. Шуазель-Гуфье было позволено вернуться во Францию, он был полностью восстановлен в правах и стал пэром. С тех пор до конца жизни он в основном занимался археологическими и историческими изысканиями.

Он проводил меня прямо в коллеж Гаркура. В полдень я сидел за столом в трапезной рядом со славным ребенком моего же возраста, который делил со мной и еще делит все заботы, все радости, все планы, волновавшие мою душу на протяжении всей жизни. Это был Шуазель, известный со времени своей женитьбы под именем Шуазель-Гуфье. Я был поражен тем, что меня так внезапно отдали в коллеж и даже не отвезли предварительно к отцу и к матери. Мне было восемь лет, но отцовский глаз еще ни разу не останавливался на мне. Мне сказали — и я этому поверил, — что какие-то повелительные обстоятельства вызвали такое поспешное решение: я последовал своей дорогой.

Меня отвели в помещение одного из моих кузенов (ла Суза) и поручили наставнику, которому в течение уже нескольких лет было вручено его воспитание. Если я сделал некоторые успехи, то их нельзя приписать ни примеру моего кузена, ни талантам моего наставника.

Раз в неделю аббат Гарди сопровождал меня к моим родителям, где я обедал. По выходе из-за стола мы возвращались в коллеж, выслушивая регулярно одни и те же слова: «Будьте послушны, мой сын, чтобы господин аббат был вами доволен». Я занимался сносно; мои товарищи меня любили, и я довольно бодро привыкал к своему положению. Эта жизнь продолжалась уже три года, когда я заболел оспой. Дети, заразившиеся этой болезнью, должны были покидать коллеж. Наставник известил мою семью, и за мной прислали носилки для отправки меня на улицу Св. Якова к госпоже Лерон, сиделке, нанимаемой доктором коллежа Легоком. В то время лиц, больных оспой, еще охраняли от света двойными шторами, законопачивали окна, разжигали большой огонь и вызывали жар